

Линь Тин, наблюдая, как тот выпил полстакана теплой воды, все еще беспокоился:

— Брат Гу, может, все-таки сходим в больницу?

Они провели весь день и половину вечера, бесцельно гуляя по городу.

Они не обедались, но перекусывали то тут, то там — холодное, кислое, острое, горячее. Непонятно, что именно вызвало проблемы, но в итоге у обоих началась диарея.

После двух походов в туалет Линь Тин почувствовал себя совершенно здоровым, а вот Гу Син выглядел неважно.

Главное, кожа Гу Сина и так была белой, а теперь стала просто мертвенно-бледной, словно хрупкий фарфор, что вызывало тревогу.

Гу Син тоже был недоволен.

Он знал, что у него слабый желудок, и старался быть осторожным, пробуя все по чуть-чуть, но все равно попал впросак.

Однако, когда он проходил медицинский осмотр в больнице, то подробно расспросил врача о мерах предосторожности и купил лекарства на всякий случай. Только что он их уже принял.

Ему не хотелось двигаться:

— Я в порядке, выплыву — и все пройдет.

— Тогда я останусь с тобой на ночь, — Линь Тин уже собирался забраться под одеяло.

Гу Син: «...» Лучше не надо. Хотя он ничего не собирался делать с Линь Тинем, но его сексуальная ориентация была известна, и совершать похабства не стоило.

— Рядом с кем-то я не могу заснуть. Может, я проверю, как ты усвоил последний материал? — невозмутимо посмотрел на него Гу Син.

Не прошло и десяти секунд, как Линь Тин ловко смылся.

Когда Гу Син устроился под одеялом, от Линь Тина осторожно пришло сообщение: [Брат, я поставил громкость на максимум. Если что-то случится, сразу звони.]

[Хорошо, спокойной ночи.] — Гу Син улыбнулся.

Линь Тин, хоть и казался беспечным, в заботе о Гу Сине был очень внимателен. Уходя, он выключил основной свет в комнате, оставив только маленький ночник в углу и свет в ванной.

Гу Сину стало немного зябко, он плотнее укутался в одеяло и вскоре погрузился в полудрему.

Глубокой ночью, в два часа,

высокий статный мужчина стоял перед закрытой дверью гостиничного номера, его взгляд был черным и ледяным. Он поднял руку и постучал.

Гу Сину почудилось, будто он видит сон.

Не то чтобы конкретный сон, скорее ощущение между сном и явью, будто кто-то стучит в деревянный барабан у него над ухом.

Тук-тук-тук, пауза в две секунды, тук-тук-тук, пауза в две секунды...

Стучали довольно ритмично.

Когда, наконец, стук прекратился, он почти проснулся, чувствуя распирающее в желудке.

На экране телефона на прикроватной тумбочке загорелось уведомление о пропущенном звонке.

Гу Син, сонно прищурившись, только собрался посмотреть, чей номер, как телефон снова зазвонил.

На экране: Еда.

Есть он не хотел, скорее хотелось вырвать.

Гу-цун позволил мыслям побродить, и лишь через несколько секунд сообразил: а, это же звонок от властного президента Чэна.

Два часа тринадцать минут.

Чэн Дунсуй, что, во сне нажал на клавишу вызова?

С такой мыслью он машинально ответил на звонок.

— Открой дверь. — Голос мужчины был ровным и тяжелым, как морская гладь перед бурей, спокойной до зловещности.

— М-м... Хорошо. — Гу-цун, чувствуя себя неважно, не уловил ничего необычного.

Он медленно поднялся с кровати. Дискомфорт в желудке заглушил все остальные эмоции, включая изумление от того, что Чэн Дунсуй явился посреди ночи, словно призрак.

Надел тапочки, включил свет, открыл дверь.

Черты лица мужчины, освещенные светом из комнаты, были ясными, как нефрит, и холодными, как снег, его темные брови несли в себе острую прохладу.

И правда он!

Гу Син, одной рукой придерживая желудок, другой потер глаза, открывшая дверь рука, и собрался сначала сходить в ванную.

Не сделав и двух шагов, его прижали к створке двери.

Горячее дыхание мужчины обожгло его лицо, а затем быстро и точно нашло его губы, с наказательным оттенком, не то поцелуй, не то укус, тяжело прижавшись к ним.

Честно говоря, Гу-цун, хоть внешне и выглядел чистым и невинным, внутри был довольно «желтым».

Все из-за прошлой жизни, где он долго сдерживался, и, подбирая сценарии для съемок, невольно наткнулся на вещи, близкие к «Цзинь, Пин, Мэй».

Это дело у властного президента Чэна превратилось из виртуального в реальное и даже превзошло ожидания.

К тому же он был настоящим мужчиной, и, хотя сейчас выглядел немного хилым, на самом деле любил яростные, дарящие полное удовлетворение занятия любовью.

И в этом властный президент Чэн его тоже удовлетворял.

Исходя из вышесказанного, Гу-цзун относился к активным действиям властного президента Чэна с полным сотрудничеством и удовлетворением.

Но сейчас у него было дело поважнее, чем занятия любовью. Кашель сдержать можно, а вот рвотные позывы — нет.

Губы Гу Сина были наглухо запечатаны.

Чтобы углубить поцелуй, властный президент Чэн даже ухватил его за подбородок, демонстрируя крайне агрессивную захватническую позицию.

Гу Син не мог говорить и потому стал его отталкивать.

Почувствовав сопротивление юноши в объятиях, выражение лица властного президента Чэна стало еще мрачнее, и вся накопившаяся за последние дни ярость вылилась в переплетение губ и языка.

Спустя несколько секунд он, придерживая юношу за плечи, остановился.

В идеальных очертаниях его темных глаз высокомерное пренебрежение сверху вниз смешалось с нарочито демонстрируемым презрением:

— Что, раньше нравилось, а теперь играешь в труднодоступность?

Затем властный президент Чэн заметил, что покрытые легкой влагой глаза юноши устало скользнули по нему с каким-то необъяснимым взглядом, пожалуй... смиренным?

Вслед за этим спина юноша выгнулась дугой: его вырвало.

Чэн Дунсуй по навыкам превосходил даже вышедшего из криминального мира Чжоу Юньчжи.

Поэтому по скорости реакции, в течение половины секунды после того, как Гу Син вырвало, он быстро отпрянул назад.

Что ж, очевидно, скорость разлета рвотных масс была еще выше.

Гу Син взглянул на одежду и обувь Чэн Дунсюя, испачканные кашицеобразной пищей, и почувствовал легкое смущение.

Хотя это вышло из его собственного желудка, но в неузнаваемом виде, и ему самому было противно смотреть.

Впрочем, выплюнув то, что давило, стало гораздо легче.

Чэн Дунсюй окинул взглядом свой испачканный вид, его лицо стало мрачным.

Когда он служил в армии, приходилось валяться в грязи и есть насекомых, по сравнению с этим рвота Гу Сина, хоть и неожиданная, не была чем-то совершенно невыносимым.

Но проблема заключалась в том, что он довел человека до рвоты своим поцелуем?

Гу Син до того его ненавидел?

Гу Син, одной рукой опираясь на стену, чувствовал слабость, пронизывающую все кости:

— Брат Чэн, я не нарочно...

Не успев договорить, он почувствовал, что снова подступает тошнота, и, собрав последние силы, направился в ванную.

Довести человека до рвоты поцелуем было для Чэн Дунсюя беспрецедентным случаем, чувством полной потери достоинства.

Конечно, кроме Гу Сина, он никого не целовал, поэтому не мог провести аналогию.

Помолчав на месте, Чэн Дунсюй вошел в ванную.

Гу Син никогда не экономил на бытовых удобствах, поэтому номер в отеле был пятизвездочным, а пространство ванной комнаты было настолько большим, что он, стоя над унитазом, а Чэн Дунсюй, наблюдая со стороны, нисколько не стеснялись друг друга.

Гу Син вырвал еще немного и почувствовал, что больше нечего извергать.

После рвоты в желудке снова поднялось жгучее чувство, распространившееся и на пищевод.

Чэн Дунсюй изначально держался с настроением посмотреть, какие еще фокусы выкинет Гу Син.

Но постепенно он начал замечать неладное: лицо юноши было мертвенно-бледным, на лбу выступила мелкая испарина, это было больше похоже на болезнь, чем на отвращение к нему.

Гу Син наклонился над унитазом, а когда выпрямился, то почувствовал, как перед глазами потемнело.

Его последней мыслью перед падением было: «Только бы не упасть, обнимая унитаз, как миску с едой, это было бы слишком мерзко!»

Неожиданно, он не упал.

Поясницу поддержала сильная рука — это Чэн Дунсюй подхватил его.

Чэн Дунсюй изначально хотел прижать юношу к груди, но и одежда, и брюки, и обувь были не очень чистыми.

Он опустил крышку унитаза, усадил юношу, а затем стал снимать с себя одежду, брюки и обувь. К счастью, сейчас было лето, на нем было не так много одежды, и в три счета он остался в одном нижнем белье.

Гу-цзун: «...»

Хотя обнаженное тело властного президента Чэна, с его длинными конечностями, четкой мускулатурой, сильным и прекрасным до невероятности, но такая поспешность... была совершенно излишней.

Разве плохо отложить на потом?

Гу-цзун впервые так сопротивлялся идее переспать с кем-то.

Глаза юноши округлились, и он выглядел немного живее, чем раньше.

Чэн Дунсуй немного успокоился, а затем рассердился и рассмеялся:

— Я еще не настолько голоден, чтобы хвататься за все подряд!

Сняв одежду, он стал чистым.

Чэн Дунсуй подхватил юношу на руки, не обращая внимания на то, что был босиком, и отнес малыша на кровать.

Увидев, что на одежде Гу Сина, хоть и немного, но тоже есть следы рвоты, Чэн Дунсуй раздел его догола, уложил в постель, все время обращаясь с ним, как с хрупкой вещью, осторожно поднимая и опуская.

Затем он налил воды, чтобы малыш прополоскал рот.

Гу Син хотел стянуть одеяло, натянутое до самого подбородка, но мужчина у кровати, одетый только в нижнее белье, строго посмотрел на него:

— Лежи смирно!

Гу-цзун знал, где хорошо, а где плохо, моргнул-моргнул и замер.

Властный президент Чэн перевел дух, потрогал лоб Гу Сина:

— Что еще болит?

Он служил в спецвойсках, знал базовые медицинские знания и мог сделать предварительную оценку.

|

<http://bllate.org/book/16158/1447676>